

ЕМЕЛЬЯН МАРКОВ

СОСНОВЫЙ ДОЖДЬ пьеса-буфф в четырёх действиях

Действующие лица:

Марина Узлова, в начале пьесы двадцать семь лет, во 2, 3 и 4 действиях за сорок.

Первый художник (*Александр Узлов, художник, муж Марины; Аркадий Подойников, успешный художник. 45 лет, – двойник Узлова, только другой формы борода и внушительный живот. Играет тот же актёр, пародийно загримированный.*)

Второй художник (*Митя Протазанов, художник с рыжей бородой, друг Марины и Узлова; Некто, огромного роста мужчина с рыжей бородой, – двойник Протазанова, только много крупнее и грубее. Играет тот же актёр на платформах и с подложенными плечами.*)

Гена Платков, кладбищенский сторож. В 1-ом действии восемнадцатилетний юноша. В 3-ем выглядит старше своих софок.

Эринния (*Юля, разбитная девушка двадцати семи лет; Женщина в очках, атлетически сложенная дама высокого роста, – двойник Юли, только крупнее и в очках. Играет та же актриса на платформах и с подложенными плечами.*)

Зинаида Даниловна, respectable дама лет шестидесяти, соседка Марины и Аркадия по даче.

События первого действия разворачиваются в конце 70-х годов, остальных – в 90-е.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Кладбищенская сторожка. Стол, табуретки, полусломанное старинное кресло, в котором сидит сторож Платков. Узкая тахта. Большая синяя лампада горит в углу перед образом. По периметру декораций спроектированы верхушки заснеженных сосен.

Гена Платков, Митя Протазанов, Марина Узлова, Саша Узлов.

Митя. Лампаду зажжё?

Платков. Спасенья нет вне Церкви.

Митя. Спасенья от чего?

Платков. От смерти.

Митя (*задушевно*). Ты очень боишься смерти, Гена?

Платков. Я боюсь Бога.

Митя. А я, как ты думаешь, боюсь Бога?

Гена молчит.

Митя. Я знаю, почему ты молчишь. Ты молишься, и этим самым хочешь поставить меня перед необходимостью бояться и любить вашего еврейского Бога. А почему я должен его любить? Любите его, молитесь ему, но почему я должен?

Он распахивает свою чёрную вязаную кофту, обнажаются муляжные нацистские ордена.

Митя. Мне так милее фюрер. Что ты морщишься, Платков? Да, дядя Адольф. Я хочу его любить и бояться. Ваш еврейский Бог весьма...

Платков (*с досадой*). Зря вы, Митя, на Бога нападаете, ведь вам первому из нас придётся предстать перед ним.

Митя замирает, потом улыбается.

Марина (*мягко*). Жалко, что ты свою картину на этот киношный муляж обменял. Ладно бы настоящие ордена, хоть какой-то был бы шик. А так просто жалко картины. Представляешь, Гена, они (*указывает на Узлова и Митю*) устроили мне сюрприз. Прихожу домой из института. Они в нашей тесной проходной комнате стол раздвинули. Тут тебе бутылки, какая-то раскисшая закуска, окурки. Словом, дым коромыслом. Но главное, распаренные полуголые бабы с огромными грудями. Я подумала: верно, натурщицы. Тем более что ребята-то мои, хоть и лыка не вяжут, но зато прилично, хоть и очень скромно, одетые. Сидят, никого не трогают, верные своим рюмкам. А бабы, наоборот, словно не водку, а третий самовар чая уговорили. Красные, в испарине, хоть полотенца подавай, платья из джерси полурасстёгнуты. Но нет, оказалось, не натурщицы, а костюмерши с киностудии. А праздник – по случаю обмена Митиной картины на эти вот ворованные со студии бутафорные ордена.

Митя. Марина, ты забыла, что по обучению я театральный художник. У нас своя кухня в свете рампы и софитов.

Марина. Это я как раз понимаю, поэтому не выгнала вас вместе с костюмершами.

Митя. Если мне память не изменяет, ты нас как раз выгнала.

Марина. Выгнала, но не прогнала. Я выставила вас с вашими полуголыми бабами в воспитательных целях. Ведь ты помнишь: когда вы вернулись, я тебя в угол поставила, а Сашке порку ремнём задала.

Митя (*Узлову*). Я, Саш, не видел, я строго в угол смотрел.

Марина. Конечно, ты в угол смотрел. Потому что ты сложнее Гитлера. Притом ты любишь Достоевского, а Достоевский ведь психолог, ведь так?

Митя. Достоевский психолог? Как можно! Достоевский не психолог. Это Зигмунд Фрейд выдумал психологию, а Достоевский совсем не психолог. И как тебя угораздило такое сказать? У тебя же такие арийские ноздри!

Узлов особенно не слушает шуточный диалог, внимательно смотрит на Гену, словно выслеживает его. Разговор прерывается тем, что Узлов падает перед Геной на колени.

Узлов (*неграмко*). Святой!

Он меняет позу, садится на пол по-турецки.

Узлов. Но войну-то Гитлер проиграл.

Митя (*как-то доверчиво*). Он не проиграл войну, его просто победили. Дядя Адольф был художником, он пытался остановить распад. Гляньте в окно – мир распадается, художник не может этого терпеть.

Узлов. У высокого тополя ветви растут под таким углом, что – вот они сейчас отпадут. Но они же не отпадают.

Митя. Иногда отпадают, от сильного ветра.

Узлов. Но это красиво.

Митя. Нет, это ужасно.

У всех ликующее выражение лиц, все очень счастливы, смотрят друг на друга почти благодарно.

Марина. Проведи нас по кладбищу, Гена! Ты странный человек, с тобой по кладбищу ходить – счастье.

Платков. Охотно. А в других местах со мной ходить не такое уже счастье?

Марина. В других – не такое.

Все поднимаются, возбужденно разбирают в углу свои: Марина – дублёночку с белым каракулем, Узлов красивое коричневое пальто, Гена сторожовский ватник, Митя потёртое драповое пальтецо. И всегело удаляются. Лампада плавно потухает.

Сцена вторая

Явление 1

Узлов и Марина.

Квартира Узлова. Мольберты и подрамники. Горит множество свечей, потому что квартира тёмная, да ещё лампочка перегорела. Узлов вбегает с Мариной на руках. Ставит её.

Марина. Ну мы даём, Саш! Ушли, а свечи не потушили! Хорошо, ненадолго. Как только пожар не случился?

Она снимает варежки на резинке, расшнуровывает высокие сапоги.

Узлов. Я потому тебя и взял на руки, чтобы быстрее, я спешил потушить свечи.

Марина. Саш, на девятой этаж, наверное, быстрее всё-таки на лифте, а не по лестнице.

Узлов. Ты что, ведь лифт как всегда сломан.

Марина. А ну да, конечно. Но свечи-то теперь зачем тушить? Тебе писать надо. А мне *(вздыхает)* бороться с режимом.

Узлов. Что это значит?

Марина. Как что? Когда же ты поймёшь? Тебя просто подкашивает асоциальность. Мне надо бежать на подпольную сходку в Царицыно. А ты, Саш, работай. Главное, побольше социальности. У тебя есть всё в картинах, кроме острой социальности. Ты же русский художник. Равняйся на передвижников.

Узлов. Не такие они ровные, чтобы на них равняться. Вразброд идут. Да я вроде как и равняюсь.

Марина. Не в том ты на них равняешься. Не на штюфы их надо равняться, а на боль их за народ.

Узлов. Равняться на боль?

Марина. И никак иначе! Я из Царицына Митю заберу. Они, конечно, сидельцы, борцы, герои, но Митю они не понимают.

Узлов. А надо ли его понимать? Хочет ли он, чтобы его понимали? Тебе, Марин, не страшно его понимать?

Марина. Мне нет. А тебе что, медведю, страшно?

Узлов. А может быть, на вас донести в органы? Чтобы вас там всех и накрыли? Органы вас всех поймут, вникнут в дело. Надо ввериться профессионалам. Мне, положим, ваша хозяйка, седая красавица Зоя, тоже как женщина нравиться, я бы сам к вам чаще захаживал, чтобы с ней пофлиртовать. Но у вас там в Царицыне каждый другого подозревает в стукачестве, нет доверия соратникам. Придёшь так хозяйке невинно клинья подбить, а тебя сразу в стукачи записывают. Я вот действительно стукну на вас, сделаю звонок, и люди в штатском всех быстренько разъясят, чтобы отпали у вас любые обоюдные подозрения.

Марина. Беззубые у тебя шуточки. Никуда не годятся.

Надевает дублёнку. Узлов ей бережно помогает надеть варежки, сапоги на шнуровке.

Марина. Сокурсницы позавидовали, как ты мне трепетно варежки в институте надевал. «Как Сашка тебя любит! – говорят, – как дочку». Видели бы они, как ты мне снимал эти шнурованные сапоги первый раз. Умилялась уже я до слёз. Шнурки не для твоих лап, для твоих лап только шедеры.

Узлов. Ты, Марин, сегодня вернёшься?

Марина. Конечно! Надо же Митю привезти. А то он там монашество задевает. Монах там есть. Герой, духовный красавец, его из монастыря за твёрдую позицию выгнали. Так Протазанов его с восьмым марта поздравил. Представляешь?

Узлов. Здесь он разве по-другому себя ведёт?

Марина. Здесь, конечно, так же. Но – ты знаешь, что я его на днях из-под машины выдернула? Идём мы по улице. Он раз под машину! У меня богатырская силаща в такие моменты просыпается, как у богатырш на его картинах. Я его – хватя! А он улыбаётся злобно: «Спасла!». Советский Мефистофель! Он меня извинил только потому, что у меня арийские ноздри, и потому, что со мной можно в охотку помечтать о всеобщей стерилизации. А для Красной армии, которая его в младенчестве и мать его спасла от расстрела фашистами, перед самой казнью в числе пленных их освободила, у него не находится каких-либо извинений. Он в восторге от той силы, хотевшей его убить сразу в пелёнках. Для него, кстати сказать, женская ласка и смерть едины. Потому он сторонится женщин, как смерти, и тянется к женщинам, как к гибели.

Узлов. У всех мужиков так.

Марина. Не совсем. Так да не так. Митя, в конце концов – выбирает. И пишет на своих картинах небесных дев валькирий, уносящих поверженных героев отнюдь не в Рай, где вечная жизнь, а в сверкающую Валахалу, где вечная дивная смерть. Но дело в том, что одновременно Митя Протазанов постоянно готов к самопожертвованию. Потому он, сколько бы не вскидывал руку, – не национал-социалист, а так называемый певец русской природы. Ну и всё-таки Советский Мефистофель, разумеется.

Узлов. А почему ты о нём так беспокоишься?

Марина. Дурачок. Тебе, гению, нужен гениальный друг, тоже гениальный художник. По отдельности вы измелчаете. Или погибните. Третьего не дано. Я не о нём, я о вас обоих забочусь. Ладно, хватит лясы точить. Я скоро прибуду вместе с Митькой.

Марина стремительно выходит. Все свечи от дверного сквозняка гаснут сами собой. Обнаруживается луна за окном. Луна уходит из окна. Продолжительная темнота. Вдруг в ней зажигается спичка. Это Узлов неловко, обжигаясь, теплит поочередно свечи.

Явление 2

Узлов и Митя Протазанов.

Входит в габардиновом чёрном пальто Митя Протазанов. От дверного сквозняка свечи снова тухнут, остаётся одна. Протазанов входит в полумраке. Он ставит посередине сцены стул, стаскивает разбитые ботинки, оказываясь сразу без носков. Залезает на стул, достаёт из кармана пальто электрическую лампочку, ввинчивает её в абажур. Абажур вспыхивает сочным красным цветом. Митя слезает со стула, обречённо садится на него же босой. Ботинки стоят рядом криво. Узлов тоже садится. Пауза.

Митя. На лагеря наговорили, как обычно у них. Их хлебом не корми, дай лагерной баланды поесть. То бишь хозяйка тамошняя Зоя сразу готовит гостям лагерную баланду, авансом. Пустые щи с серой мукой. Она то ли старуха, то ли девушка, не могу понять. Седые волосы, горбится под серым пуховым платком. И вдруг из-под старушечьего платка юношескую грудь даёт своему младенцу. Девичий профиль в старушечьих космах. Вздёрнутый носик, эмалевый взгляд. При младенце у Зои ещё жених есть, одноногий, на костылях. Отец он младенцу или нет, непонятно. Конспирация! Этот жених, когда Зоя предлагает ему расстаться, отбрасывает посреди улицы костыли и падает прямо в лужу. Так и я. Прихожу к ней и падаю прямо на пол. А Маринка меня начинает зачем-то поднимать. Я ей по-человечески объясняю: «Не хрюкнул, значит, не вышил». Но она не понимает. И сегодня зачем-то стала меня с пола соскребать. А зачем? Усадила за стол. Ух! До сих пор цветной постный сахар назойливо стоит в глазах. Чай – крепчайший! От белой отсыревшей скатерти больничная оскомина. Такие в этом бараке и простыни, как скатерть. Поэтому я всегда выбираю там для ночлега половицы. Ну вот... А потом мы, я, Маринка и Платков, своей компанией отправились к нему на кладбище в сторожку. Помнишь его? В батнике узорном ходит. Ты ему: «Святой!». Он, конечно, не святой. Меня – в шею, хохот. Конечно, на кладбище я ему не конкурент. Марина пальцем в меня тыкала, нежная такая, изумительная, как всегда перед изменой бывает. Меня – прочь, не нужен. Я у них напоследок в отместку лампочку на крыльце выкрутил (*кивает вверх на абажур*). Конечно, им лишний свет не нужен. Выходит что – легла!.. Вот так, так...

Митя что-то неслышно шепчет, шевелит губами. Узлов вскакивает.

Митя (*тоже вскакивает*). Ты туда? Нет? Я с тобой!

Узлов. Нет, подожди, тут кое-что.

Митя. Что?

Узлов. Да нет, ничего.

Митя. Говори – что?

Узлов. Надо замести следы.

Митя. Обыска ждёшь?

Узлов. Обыска пусть они ждут. А я сам шухер наведу.

Митя. Как?

Узлов. А вон... Тут везде надо прибраться. А то я наследил. Её портреты.

Митя. Да! Её портреты!

Узлов вытаскивает одну за другой отовсюду: из-за шкафа, из-под тахты – свои картины. Горюливо, словно спешит на поезд, ставит их на мольберт и режет острым, наполовину сточенным ножом, отбрасывает обрезки. Мольберт повернут к публике задником, Узлов обращен к ней лицом. Митя отстраняется в светлый дверной проём прихожей, наблюдает и корчится, то ли глумливо, то ли страдальчески, скрючивается на одной ноге. Покончив с четырьмя картинами, Узлов смотрит на Митю, ловит его взгляд. Митя этот взгляд сразу прищипывает. Начинает нарочито суетиться, хлопотать, ходит взад-вперёд.

Митя. И то сказать!.. Нужен ли ей Платков? Нужен ли ей Платков?

Силы резко оставляют его, он садится на тахту, фазуется, постепенно ложится набок.

Митя. Сегодня ей его шитый батник понравился, завтра понравится человек в лиловой рубашке...

Засыпает. Узлов гасит свет. Темнота.

Явление 3

Узлов, Митя и Марина.

За окном потихоньку светает. Включается верхний свет. Его включила Марина. Она энергично входит, стягивает врезки. Митя по-прежнему спит. Узлов сидит в тёмном углу.

Узлов. Значит, всё?

Марина. Что «всё»?

Узлов. Легла с другим?

Марина. Почему «легла»? Я сегодня вообще не ложилась. Очень спать хочется. Всю ночь проговорили. Наговорили на лагерь.

Узлов (*в сторону Мити*). Он сказал.

Митя спит, во сне улыбается, как ребёнок.

Марина. И ты ему поверил? Как ты мог ему поверить? Как ты мог хоть на секунду представить...

Узлов вскакивает, падает перед ней на колени.

Узлов. Прости, прости! Действительно, как я мог... Как я мог!

Марина. Встань. Как ты можешь так унижаться? Жена действительно, так или иначе, не ночевала дома, а ты перед ней ещё на коленях ползаешь.

Узлов вскакивает, выбивает дверь ногой и исчезает. От грохота просыпается Митя, садится на тахте.

Митя. Скажешь, не легла?

Марина. Какой ты забавный, Митя! Ты так многозначительно, таинственно спрашиваешь... Сразу понятно, что ты не знал женщин. Тебе кто-нибудь нравится? Зойка, наша вчерашняя хозяйка, хотя бы нравится?

Митя. Она тебе нравится, это ты ей руки целуешь.

Марина. Я ей целую руки, как ушедшей России.

Митя. Как покойнице, что ли?

Марина. Скажешь тоже!.. Она тебе нравится? У неё же нордическая красота.

Митя (*неопределённо*). Ничего... Ноги-руки есть.

Марина замечает изрезанные картины. Поднимает обрезки, разглядывает их.

Марина. Что же он натворил... Это же были его лучшие работы. Он их уже никогда не повторит, никогда. Ты ведь меня любишь, Митя? Я спрашиваю, потому что это то единственное, что может хоть немножко оправдать...

Митя. Ну что ты... Как можно. На кого бы я был похож, если бы я тебя любил?

Марина. На себя, наверное.

Митя. Нет, на себя я как раз похож бы не был.

Марина. Ты боишься себя?

Митя. Нет.

Марина. Гордый ответ. Но можно ли жить без страха перед собой? По-моему ты просто в ужасе от самого себя. Поэтому в ужасе от своей любви ко мне. Ты – в ужасе. Ты смеёшься от ужаса и подстраиваешь роковые обстоятельства тоже от ужаса. От мании преследования. А преследует тебя... Что тебя преследует? Тебя преследует приговор дяди Адольфа? Ведь он тебя ещё в младенчестве приговорил. Ты приговорён к смертной казни в младенчестве, вот в чём дело. Ты занесён над костром и унесён от костра. А ты хотел бы умереть в младенчестве. И добрый дядя Адольф почти исполнил твою мечту. Но Красная Армия смазала картину твоей жизни. Мы с Сашкой как раз говорили об этом вчера, когда эти картины были ещё целы. Вчера они были ещё целы. Но ты не оставляешь надежды умереть в младенчестве. Поэтому корчишься, поэтому любишь меня, поэтому соблазнил Сашку изрезать его картины. Это судорожное стремление к чистоте, к небытию. Или просто ты Сашке завидуешь? Но теперь уже нечему завидовать. Лучшие картины свои он разрезал. И мы теперь, я так чувствую, наверняка разведёмся. Хоть я ему и не изменяла.

Митя. Да, Марин, с тобой есть о чём помечтать, это точно. Но меня ты не соблазнишь разрезать мои картины. Меня ты не возьмёшь в оборот, не заведёшь в обстоятельства. Я не бегу и не догоняю, я просто вываливаюсь из обстоятельств. Но, чтобы из них вывалиться, их надо сломать. Я ищу обстоятельства, только чтобы их сломать. Это священный бой с обстоятельствами, для которого им надо идти навстречу.

Митя натягивает на голые ступни свои покоробленные башмаки.

Марина. Ноги-руки есть – говоришь... А вот у тебя, Митя, у самого ножки на загляденье, щиколотки поленькие, ну прямо как у Марики Рокк!

Митя яростно и метко бросает ботинок в Марину. Марина хватается за ушибленное место и смотрит насмешливо. Митя замирает: одна нога обута, другая босая.

Сцена третья

Летний свежий день, после дождя. Узлов и Марина сидят в липовом сквере на лавочке. Узлов в рыжем замшевом пиджаке с выпущенным кружевным воротником белой сорочки, Марина одета будничней.

Узлов. Мы же – так... Это не настоящий развод... Это чтоб материну квартиру за собой оставить. Мы же опять играем во взрослых людей, которые разводятся, изменяют друг другу. Это ведь всё игра. На самом деле, мы не такие. Разве мы можем с тобой всерьёз развестись? Нам чувство юмора не позволит. Мы наслушались пережили эту комедию со свадьбой, а водевиль с разводом мы просто не осилим. Мы же не для всего этого познакомились.

Марина. Конечно, Саш, конечно.

Узлов. Нет, я серьёзно. Я не собираюсь с тобой разводиться. Это глупо. Ты мне не мешаешь. Не сковываешь меня в моей творческой свободе.

Марина. Более того, я тебе её обеспечиваю. Но тут надо поаккуратней.

Узлов. Куда уж аккуратней?

Марина. Вот именно, поаккуратней надо. Мите Протазанову я вот тоже обеспечивала творческую свободу. Более я ему ничего не обеспечивала, но зато творческую свободу он от меня получал в полном объёме.

Узлов. Я так понимаю, ты вообще по части распределения творческой свободы?

Марина. Да, я по этой части. Так вот, чуть Митя вышел из-под моей опеки... Очень уж я на него обиделась из-за того его розыгрыша, из-за которого мы сейчас и разводимся... Чуть он отдалился от меня, как сразу попал в обстоятельства. Неспроста он так их боялся. Чуть попал в обстоятельства и сразу погиб.

Узлов. Какие же обстоятельства в лесу? Митя вышел из чащи с этюдником, и тут лесовоз его накрыл. Вот и всё.

Марина (*упрямо*). Нет, не всё. Он и по лесам, и по квартирам как беглый каторжник бегал. Бегал от обстоятельств. Но они его и в лесу наступили.

Узлов. Он просто потерял равновесие. Это бывает.

Марина. Равновесие?

Узлов. Да, равновесие свободы. В свободе надо соблюдать равновесие, как на проволоке канатоходец.

Марина. А ты соблюдал равновесие, когда резал свои картины?

Узлов. Разумеется. Именно как канатоходец на проволоке. Я и разрезал картины – для равновесия. Идём пива попьём.

Встают, отлучаются за занавес. Пустая сцена. Возвращаются с кружками пива.

Узлов. Хорошо, правда? Будто и не разводились. Они, те, что в очереди за пивом, думают про нас, что, наоборот, жених и невеста, коль скоро ЗАГС рядом. Здорово мы их разыграли?

Марина. Они о нас вообще не думают.

Узлов (*с вызовом*). Может быть, ты знаешь, о чём они думают?

Марина. О пиве.

Марина протягивает дружественно кружку. Чокаются. И продолжительно пьют.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Прошло десять лет.

Сцена первая

Явление 1

Комната Платкова в коммунальной квартире. Книжные стеллажи, софа, крепкий буковый стул с высокой спинкой посередине. Жена Платкова Юля, ладная, но утомлённая, девушка с недлинными разломчаченными волосами стоит возле стеллажа и довольно безучастно листает толстую книгу.

Явление 2

Юля и Платков.

Входит Платков. Он выглядит немного постарше, чем был в сторожке, в курчавой чёрной бороде.

Платков. Почему ты касаешься моих книг?

Юля (*вздрагивая*). Какая у тебя тихая поступь, Гена!.. Насколько я понимаю, у нас теперь всё общее.

Платков. Ты ошибаешься, Юля.

Юля. Но ты же сам говорил, что муж и жена одна плоть, а если одна плоть, то...

Платков. Плоть плотью (*забирает у Юли книгу*), Юля, плоть плотью, но зачем тебе Кант?

Юля. Может, я хочу полистать Канта...

Платков. Ты хочешь полистать Канта, понимаю. Но почему именно Канта?

Юля. Как ты смеешь меня так страшно унижать!

Платков. Ладно, пусть Канта. Но сначала надо спросить разрешение. Ведь это мой Кант... Это мой Кант.

Юля упрямо садится на софу, Платков стоит, придерживаясь за спинку стула.

Юля. Объясни, Гена, почему ты женился на мне?

Платков. Я хочу счастья.

Юля. Вот тут ты не ошибся. Я как никто способна обеспечить счастье человека.

Платков. Дело не в том, на что ты способна.

Юля. А в чём тогда?

Платков. Дело в том, на что способен я.

Юля (*кокетливо*). О! Ты способен на многое.

Платков. Нет, я не способен ни на что.

Юля. Но при чём тут женитьба, зачем была свадьба? Я так и не поняла.

Платков. Как при чём? Считается, что людей объединяет дело, тогда как в действительности людей объединяет совсем обратное, то есть отсутствие дела, другими словами – общая неспособность. А так как мы оба ни на что не способны (*подходит, кладет руку Юле на плечо*), нам и следовало пожениться. Мы изгой, мы выброшены за борт.

Юля. Я медик!

Платков (*ласково*). Ну что ты городишь, Юля, какой ты медик? Медсестра с тёмным прошлым, тёмным настоящим и ещё более тёмным будущим.

Юля (*с размеренной яростью*). Хорошо, ты ещё узнаешь, на что я способна.

Платков блаженно прикрывает веки. Но быстро сводит брови печально.

Платков. Ты любишь вокзал, я понимаю. Он будоражит, приятно тревожит тебя, да?

Юля (*успокоившись и томясь*). Наверно.

Платков. Хорошо. Но зачем там пить?

Юля. Я пью пиво.

Платков. Ты пьёшь слишком крепкое.

Юля. Я пью «девяточку».

Платков. «Девяточка» очень крепкое пиво. И когда девушка стоит с бутылкой «девяточки» у вокзальной стоянки, это...

Юля. Ты зачем врезал замок во вторую комнату?

Платков. Там будет моя комната.

Юля. Хорошо, пусть она будет твоя, но зачем её запираешь?

Платков. Согласись, Юля, имею я право запирает свою комнату?

Юля. Пойду прогуляюсь.

Платков. На вокзал?

Юля встаёт.

Юля. Да хоть бы и на вокзал. Что ты привязался к этому вокзалу? Какая разница, где дышать весной?

Платков. На вокзале совсем не та весна, что везде.

Юля. Весна везде одна.

Платков. Знаю я твою весну. Оттого, может быть, и врезал замок.

Юля (*подступая*). Ты на что намекаешь?

Платков. Мне слишком больно, чтобы на что-либо намекать. У тебя очень странный график работы, очень странный.

Юля. Я подменяла. Сумасшедший, на тебя плохо действует весна.

Платков. Ох уж эта весна! Мне хочется плакать.

Юля. Я пойду. Тебе кушать пивка?

Гена подходит к Юле и – неразборчиво: то ли толкает её, то ли даёт ей несильную пощёчину.

Юля (изумлённо). Ты что?

Гена толкает ещё раз.

Юля (разъяренно пятась). Как... как ты смеешь? Как ты смеешь меня бить? Ты ответишь за это! (Останавливается на мгновение в задумчивости). Ты меня совсем не любишь...

Платков. Кто поклоняется любви, тот поклоняется дьяволу.

Юля с подхваченным наотмашь плащом выбегает. Платков истоиво хватается за лицо, падает на софу и рыдает. Платков лежит некоторое время неподвижно, потом нетвёрдо встает, берёт гитару, садится на стул и поёт.

Я тебе ничего не скажу,
Я тебя не встревожу ничуть
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдёт,
Распускаются тихо листья,
И я слышу, как сердце поёт.

И в большую, усталую грудь
Ветв влагой ночной... Я дрожу.
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

Явление 3

Платков, Юля и Некто.

Возвращается Юля.

Юля. Всё поёшь? Всё витаешь в облаках? А я пришла поставить тебя перед лицом реальности.

Гена (не оборачиваясь). Где она, реальность?

Юля. Вот она.

Юля делает широкий шаг в сторону. Гена нехотя оборачивается. Рядом с Юлей стоит Некто в плаще, острого роста со шкиперски подбритой, жёсткой бородой. Этот человек подходит к Платкову, забирает у него гитару, передает её Юле. Потом снимает Платкова со стула, ставит его перед стулом на колени, надевает ему на голову вытасенный из кармана плаща чёрный мешок.

Некто. Убить его?

Юля. Да нет, пока не надо. Но проучить его необходимо.

Некто. Если не убить, он по-другому не поймёт.

Юля. Ты прав, Миш, до него плохо доходит. Он перед своим носом не видит, а выдумывает то, чего нет. Признавайся! Приходила к тебе покойница в сторожку на кладбище?

Платков (сквозь мешок). Приходила.

Юля. А зачем она к тебе приходила? Она твоя любовница?

Платков. Она жила в восемнадцатом веке.

Юля. Ну и что, подумаешь! Самое развратное времечко. И что, могилка у неё имеется?

Платков. Да, имеется могилка.

Юля. Так зачем она к тебе приходила?

Платков. Ей показалось, что я позвал её.

Юля. А ты?

Платков. А я не звал.

Юля. Врёшь! Звал!

Платков. Нет.

Юля. Приведения не ошибаются. Раз пришла, значит, звал. Чем вы занимались?

Платков. Разговаривали.

Юля. О чём?

Платков. Об императрице. Только я говорил о нашей императрице, о нашей Зое из Царицына, мастерице пустых кислых щей, а она о своей, о Екатерине Великой. А мы думали, что одну императрицу нежно чувствуем.

Юля. А потом?

Платков. Потом она ушла. Я уже с утра сообразил, кто она, когда по её маленькому снежному следу до могилки восемнадцатого века дотопал.

Юля. И ведь всё врёт. Он всю жизнь в Маринку Узлову влюблён. Она к нему от мужа художника убежала. С тех пор и бегает. А он её для развлечения то за богиню, то за покойницу принимает. Игры у них такие! Развратные люди! Они не способны заниматься честным развратом, как мы, честные люди. Они флёрю на разврат нагоняют и плачут от умиления и восторга. Для них ничего святого нет! Так, признавайся: Маринка к тебе приходит?

Платков. Маринка может прийти только при роковых обстоятельствах. А где я ей возьму роковые обстоятельства? Я на них не способен.

Юля. То есть ты хочешь сказать, что на них не способна и я?

Платков. Почему же?

Юля. Ну как же! Ты же сам мне сказал, что людей объединяет общая неспособность. И если ты считаешь себя неспособным к роковым обстоятельствам, то, значит, ты намекаешь, что и я к ним не способна?

Платков. Сама по себе – нет. Поэтому ты привлекаешь исполнителей роковых обстоятельств. Теперь, вот тоже привела исполнителя.

Юля (*к своему ступнику*). Ну вот, Миш, видишь, как он меня унижает? И так постоянно. А поначалу я подумала, что он святой. Он всем морочит голову, что он святой! Точнее, поначалу я подумала, что он герой. А он, оказалось, добывает роковых обстоятельств на стороне. И что с ним делать?

Некто. Ну, если он хочет оказаться в роковых обстоятельствах... (*Угрожающе поправляет манжеты*).

Юля. Да нет, не пойдём у него на поводу. Он жаждет роковых обстоятельств. Но он их не получит. Мы, наоборот, избавим его от роковых обстоятельств.

Некто. Как мы это можем сделать? Просто уйти? Но это не в моих правилах – просто уходить.

Юля. Нет, конечно. Так мы его не избавим от роковых обстоятельств. Мы за порог, и он сразу опять начнёт корчиться в мечте о роковых обстоятельствах. И к нему опять придёт девица из позапрошлого столетия. Но я знаю, как его привести в чувства и поставить на место.

Юля подхватывает гитару, размахивается ею, как колуном, и наскофо разбивает о стул, что позади Платкова.

Некто (*разочарованно*). И всё?

Юля (*с сожалением*). Ты, Миша, ничего не понимаешь в музыке.

Некто срыгает чёрный мешок с головы Платкова, но на голове Платкова остаётся белый мешок. Некто и Юля выходят. Платков замирает на коленях.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Прошло ещё десять лет.

Сцена первая

Марина.

Марина выходит изнурённо на сцену, волосы всклокочены, косметика смазана.

Марина. Страшна любовь чужих людей, страшна и пронзительна. Кажется уже: ближе нет никого, чем чужой человек. О, это коварство с чужим человеком! Спрятал любовницу на балконе, а сам забрался в шкаф! Пришла, в квартире ни души, только нагая сквозь мутное стекло смотрит внутрь моляще, чтобы выпустил. А он – в шкафу! Я услышала его тяжёлое дыхание. На него и священники спокойно смотреть не могут, хочется им снять епитрахиль и спрятаться в алтаре. Приходит он в храм, говорит с достоинством на исповеди: «Нарушал седьмую заповедь». Священник начинает растерянно считать в уме заповеди, которая из них седьмая, и оправдывается перед Аркашей: «Но вы же художник...». Аркаша и доволен, считает себя безгрешным. Куда мне теперь? Он в моей квартире с любовницей. Я не выдержала позора, не выдержала очевидности зла. Но нет, надо возвращаться. В конце концов, моя квартира!

Уходит.

Сцена вторая

Марина и Аркадий.

Та же квартира Марины, только на софе лежит художник Аркадий Подойников. Входит Марина.

Марина. Убирайся из моей квартиры.

Аркадий. Мариш...

Марина. Пошёл отсюда!

Аркадий. Мариш, на что ты обижаешься?

Марина. Обижаясь?! Я диву даюсь! Извалялся тут с любовницей, ещё задаёт вопросы!

Аркадий. Что ты выдумываешь, детка, с какой любовницей?

Марина. Ты её с балкона спихнул? Куда она делась?

Аркадий. Ты о ком, я не понимаю.

Марина. На балконе была женщина голая, а ты в шкафу прятался.

Аркадий. Я – в шкафу? Что ты чепуху говоришь? Я был в уборной, занимался туалетом.

Марина. Унитаз, что ли, ставил?

Аркадий. Ну что ты, своим туалетом занимался.

Марина. Меня сейчас вырвет... Где она, я спрашиваю? На верхнем этаже на лестничной клетке?

Аркадий встаёт, открывает балконную дверь, вытаскивает большой в человеческий рост холст на подрамнике. Поворачивает его к Марине.

Марина (*в ужасе*). Кто это?

Аркадий. Это ты, Мариш.

Марина. Это урод какой-то, а не я. Обнаженный урод. Испуганное голое пугало.

Аркадий. Не выдумывай, я повезу эту работу в Париж.

Марина. Ты хочешь опозорить меня на весь мир?

Аркадий. Прославить... Этой картиной я смогу тебя только прославить, но никак не опозорить.

Аркадий прислоняет картину лицом к стене, опять ложится на кровать вверх животом.

Марина (*плача*). Дурак ты, Аркаша, и больше ничего.

Аркадий. Не расстраивайся, Мариш, я понимаю, трудно жить с гением.

Марина. Да какой ты гений! Лучше бы меня в Париж взял, это тебе никогда не придёт в голову.

Аркадий. Почему же, я свожу тебя в Париж. Но сейчас поедет – она (*указывает на повернутую к стене картину*).

Марина. Её надо уничтожить. Я её разрежу.

Аркадий (*вальяжно, элегично*). Этим ты уничтожишь меня.

Марина. Это ты был в шкафу, ты... Свёл меня напрочь с ума своими изменами, я уже ничего не соображаю. Признайся, что это ты был в шкафу.

Аркадий. Ну, если тебе так больше нравится, хорошо, это я был в шкафу. Абсурд...

Марина. Хорошо. А зачем ты её на балкон выпихнул? А, поняла, ты и картины свои хочешь унижить.

Аркадий (*с небрежным одухотворением*). Возможно. Считай это суеверием. Картина должна пройти стадию отверженности, пусть символически, но должна. Это своеобразный ритуал. У каждого мастера своя кухня. Символика, символический обряд очень важны в жизни, посредством символического обряда, символической жертвы можно избежать дурных обстоятельств, избежать настоящих непоправимых жертв. Древние это чётко понимали.

Марина. Древние, да? Тогда объясни, зачем ты картину теперь перевернул лицом к стене? Тоже ритуал? Просто ты – не картине, ты мне мстишь, что я умней и талантливей тебя. Одну пенсионерку так недавно свели с ума. Позвонили в дверь, поставили перед дверью большое зеркало. Она открывает, а за дверью она же. И свихнулась. Ты хочешь от меня избавиться, а квартирой моей завладеть. Поэтому и спрятался в шкаф.

Аркадий. Ну не выдумывай, Мариш. Я даже не помещусь туда.

Марина. А мы сейчас проверим. Полезай в шкаф!

Аркадий. Это как-то ниже моего достоинства, Мариш.

Марина. Лезь, тебе говорят.

Аркадий поднимается с кровати, подходит степенно к шкафу, сует туда одну ногу.

Аркадий. Абсурд!

Марина. Давай-давай, полезай. Погубил мою молодость, красоту, ум, психическое здоровье. Мне уже не вечернее платье нужно, всё равно ты со мной никуда не выходишь, мне смирительная рубашка нужна от Купор! Лезь в шкаф.

Аркадий втискивается в шкаф. Марина прижимает за ним дверь, поворачивает ключ.

Аркадий (*из шкафа*). Маринчик!

Марина. Ничего, терпи! Посиди, подумай о своих безобразиях, выйдешь другим человеком... (*В зал*). Выпущу его не сразу, к ужину. Сидит там, молчит, обижается. Его всё равно не исправишь, а поучить надо. У него на венчании даже венец набок съехал, заломился ухарски: не впервой! Многоженец! Мне он не простил моей царственности. Буржуа великодушны, они могут простить всё, не могут простить только царственности. Прекрасное должно быть величавым, вот этого он не способен так оставить. Уж казалось бы, на что величав! А венец съехал набекрень. Всё потому, что царственность близка к мученичеству, она по краю ходит, на облако ступает. А они, вот эти, не хотят мучиться. Не умеют, что ли?

Аркадий (*из шкафа*). Маринчик! Мы будем любить друг друга всегда-всегда, правда?

Марина замирает в хмурой растерянности.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена первая

Явление 1

Марина.

Двухспальная кровать посередине сцены. По периметру спроецированы ветки сосен, тёмные от обложного дождя. Звук дождя. Марина лежит на кровати в свитере поверх ночной рубашки с книгой.

Явление 2

Марина и Платков.

Входит Платков. Он сед, очень худ, это не столько старость, сколько непоправимое изнурение. Одет под стать Марине, шерстяная кофта поверх подтяжника.

Платков. Марин, у тебя реланиумчика нет?

Марина. Куда, Гена, тебе реланиумчик... Присядь. У тебя такой вид, что, не шуми дождь, я подумала бы, что на дворе заморозки. Ты словно инеем покрылся. Почему ты спал на террасе с собакой на подстилке, я же тебе нормально постелила?

Платков. Не знаю, как-то вынесло меня туда ночью. Наверное, двери перепутал. Пошарил в темноте, чувствую что-то доброе, тёплое, и прилёг. У нас всегда большие собаки были. Ты знаешь, мне не привыкать.

Марина. Юлька тебя с собакой на коврик клала?

Платков (*с достоинством*). Почему же... Я сам с собакой на коврик ложился.

Марина. Ну да, какая разница. К тому же – на коврике та собака повернее будет. Я тебя, Гена, понимаю. У меня та же дилемма. Тем более что Аркаша с нашим псом Фокой, с которым ты ночевал, – они на одно лицо. Я иногда их путаю. Думаю, лёс Фока в комнату заглядывает, я ему: «Пошёл вон, вонючка!». Приглядываюсь, это на самом деле Аркаша заглянул. Или заглянет Аркаша, я ему: «Наконец в твоём лице я вижу что-то человеческое, живое. Что с тобой сегодня?». Приглядываюсь в потёмках, а это Фока есть просит.

Платков. Мы вчера как-то мало поговорили.

Марина. С тобой, думаешь, вчера можно было поговорить? Ты пришёл как призрак. А я уже привыкла. Ко мне постоянно тут призраки навевываются. Просыпаюсь, Митя Протазанов сидит на кровати. Я уже привыкла. И тут я подумала: что если призрак ко мне пришёл, как обычно? Весь вечер вчера не покидала эта мысль. Ты сидел и всё время пытался начать разговор, очень многозначительно собирался с мыслями и делал решительный вид. Я наблюдала за тобой и думала: «Так призрак передо мной или не призрак?». Только когда ночью я выглянула на веранду и увидела тебя спящим с собакой в обнимку, я поняла, что ты не призрак, а вроде как живой человек. Хотя, знаешь, с другой стороны, мне и сам Фока показался сначала призраком, когда прибился поздним вечером ко мне возле речки. Мелькнул тенью к моим ногам. Это потом я ему уши лечила, простреленную лапу...

Платков. Да, я понимаю... Но я всё-таки намереваюсь с тобой переговорить. Вчера я просто был слишком утомлён с дороги.

Марина. Больше скажу. Ты был так вчера утомлён, как будто шёл пешком от Печерского моря или совершил перелёт с Марса. Это было какое-то пространственное утомление, утомление космических пространств. Вряд ли реланиумчик тут поможет.

Платков. Реланиумчик – не уверен. Но ты мне можешь помочь. Ты всегда умела помочь в таком положении.

Марина. А какое у тебя положение?

Платков. Марина, ответить на вопрос. Неужели меня невозможно полюбить?

Марина. А почему ты сомневаешься?

Платков. Ну ты меня не полюбила в своё время, ушла, сбивая одуванчики.

Марина. Ой, я вообще не по этой части. Меня не бери в расчёт. Ты помниться говорил, что когда тебя повысили до алтарника, в тебя влюбилась девушка из церковного хора. Она же – влюбилась!

Платков. Не было никакой девушки из церковного хора.

Марина. Да нет, думаю, она-то была. Но тебе она была без надобности. Тебя с юности влечёт к чудовищам. Что поделаться? Ты от чудовища ждёшь любви, а это совсем другой коленкор.

Платков. От порядочной женщины не знаешь, что ожидать. Постоянно чувствуешь себя, как на иголках. А чудовище более-менее предсказуемо, и это даёт некоторую уверенность в завтрашнем дне. И потому, порядочная женщина нарушила бы мои планы. Я ведь собираюсь уйти в монастырь.

Марина. Так в чём проблема? Что ты от меня хочешь?

Платков. Понимаешь, прежде чем окончательно отрешиться от мирской жизни, мне необходимо испытать простое человеческое счастье. Хоть на минуту, но во всей его полноте.

Марина. Ты его разве никогда не испытывал?

Платков. Никогда. Я испытывал дивные минуты, уникальные состояния. Но простое человеческое счастье всегда обходило меня стороной.

Марина. А почему ты решил, что именно я способна дать тебе рецепт этого счастья? Пойди к простым счастливым людям и они тебя научат. Ты же пришёл к совершенному антиподу простых и счастливых людей. Впрочем, ты в своём репертуаре. К чудовищу ты идёшь за любовью, ко мне за простым человеческим счастьем. Или ты действительно призрак, или у тебя не все дома. А знаешь что, поезжай в Царицыно. Ты давно бывал у Зои? Вот кто способен научить счастью. Только хлебнёшь её пустых кислых щей, сразу чувствуешь это самое счастье.

Платков. Нет. Раньше я ездил к ней за запрещённой литературой. Нас объединял подвиг и взаимные подозрения, то есть конспирация. А сейчас в каком жанре я к ней заявлюсь? Нет, это невозможно. То счастье возможно было только в обстоятельствах режима. Теперь же режим пал.

Марина. А ко мне ты на каком основании заявился?

Платков. Я уже объяснил. Недавно я виделся с Сашей Узловым. Мы пили пиво в уличном кафе. Я решил с ним переговорить о счастье. Он взял с блюда перышко воблы, поднял его к солнцу и сказал мне: «Смотри, какая красота!». Тут я понял, что его научила простому человеческому счастью ты. Митю Протазанова ты тоже ему научила, поэтому он спокойно завершил свой жизненный круг, он получил от тебя завершающее звено. Даже его гибель не смогла тут помешать. Но от меня ты почему-то скрывает этот секрет. И я ввязался во все эти обстоятельства. Открой мне его теперь! Теперь он мне не сможет уже повредить.

Марина. Теперь ты сам его знаешь. А сюда ты притащился только за тем, чтобы удостовериться, что ты сам уже знаешь секрет счастья. И чтобы я это засвидетельствовала. Я не столько давала людям счастье, сколько всегда констатировала счастье в человеке. В этом моя ценность и моя главная роль. Посмотри на себя. Да, вот такой ценой ты получил счастье. Тебе изменяла Юля, тебя били её любовники, ты нищенствовал, но такова цена твоего счастья. И ты настолько сам знаешь, что такое счастье, что уже мне впору обратиться к тебе за советом. Ты, на самом деле, не за советом пришёл, а наоборот, пришёл дать мне совет. А не хочешь себе в этом признаться из скромности. Поэтому давай, друг, говори ты мне, что такое счастье и как его достичь? Вообще, ты был вестником счастья, а не я. Это перед тобой Саша стоял на коленях, это ты предсказал скорую гибель Мити Протазанова. Поэтому тебе слово.

Платков *(улыбается)*. Так я ведь уже сказал. Ты не заметила?

Марина. Что ты сказал?

Платков. Я сказал, что – ты ушла, сбивая одуванчики. Это о твоём счастье.

Марина. Да. Это о моём счастье. Ты прав.

Платков. Мне пора ехать.

Марина. Пойдём, я тебя провожу.

Марина встаёт, выходит вместе с Платковым. Мокрые сосны чётче проявляются, звук дождя усиливается.

Сцена вторая

Соседняя дача. В кресле сидит Зинаида Даниловна, грузная женщина, на лице следы явной, но давней красоты. Входит Марина в песочном пончо и юбке с накладными цветами, с мокрым зонтиком-тростью.

Зинаида Даниловна. А... Мариночка! Я как раз о тебя сейчас всё думала. Ты вчера спрашивала про турмалин...

Марина (*раскрывает автоматически зонтик, ставит его сушиться на пол*). Ага, Зинуль, я всю свою молодость носила кольцо с вишнёвым турмалином и не знала, что у меня за камень на руке.

Зинаида Даниловна (*вяло и царственно*). Ты в своём духе, разве можно носить неизвестный тебе камень?

Марина. Что, турмалин сломал мне жизнь? Очень возможно. Золотое кольцо с турмалином. Я его никогда не снимала, чтобы ни случилось. Я думала, оно меня в последний момент выручает из всех передряг, я тянула его к свету, чтобы оно меня к свету вытягивало. И мне казалось, что так и было. Теперь выясняется, что, наоборот, оно-то и довело меня до такой жизни. Да?

Зинаида Даниловна. Ты же не оказалась на панели. Турмалин вызывает нездоровые эротические стремления. А у тебя, Машенька, всё сублимировалось в творчество, вишнёвый турмалин – камень художников и поэтов.

Марина. Скорее так, Зин: эротические стремления у меня сублимировались в творчество, а творчество в эротические стремления, и ничего не осталось, всё сублимировалось. Вообще, у меня сегодня какое-то плохое предчувствие с утра.

Зинаида Даниловна. Это оттого, что ты вокруг запястья обмотала гранатовое ожерелье. Разве можно с твоими нервами? Для таких, как мы с тобой, гранат – тяжёлый камень, тут и предчувствия, и всякие психологические страхи. Вечно ты накликаешь проблемы. Вместо того, чтобы заняться аутотренингом и послать всё к чёрту, ты пьёшь кофе чашку за чашкой и не расстаёшься с гранатом! Разве можно!

Марина. Но он мне идёт.

Зинаида Даниловна (*медленно и ровно*). А говоришь, ничего не осталось. У тебя остался вкус. Да... идёт... особенно к этому тёмно-песочному пончо.

Марина. А что это у тебя, Зина, за новые серёжки? Лазурит?

Зинаида Даниловна. Нет, это голубая бирюза.

Марина. Прелесть какая.

Зинаида Даниловна. Не то слово. Я увлеклась последнее время сочетанием зелёного и синего, вот ношу серьги из голубой бирюзы и кольцо с зелёной бирюзой.

Марина. Оригинально до последнего предела. Дай-ка примерить. (*Глядится в зеркало, стоящее на столе*). Ой! Как мне идёт, фантастика!

Зинаида Даниловна (*чуть-чуть раздражённо*). Нет... не очень, они тебя простят. И потом, хоть ты и декабрьская, но козерог, а не стрелец, бирюза не твой камень.

Марина. Почему? Бирюза предохраняет от падения с лошади.

Зинаида Даниловна. С лошади?..

Марина (*невесело*). А что надо носить козерогам?

Зинаида Даниловна. Яшму. У тебя же есть клипсы из яшмы.

Марина. Они слишком скромные. Я привыкла в нашей глуши и в моём крошечном одиночестве одеваться, как на бал. Надену вечернее платье, колье, перстни и иду через сосняк на шпильках за молоком в магазин. Аркаша меня ведь никуда не берёт. Сопровождает меня только мой хромой пес. Уже две недели не прекращается этот сосновый дождь. Аркашка не едет. Если бы я хотела, чтобы он приехал, было бы проще ждать. А я уже не хочу, по-моему.

Зинаида Даниловна (*наставительно*). И потом, Мариш, каменная палитра это, конечно, прекрасно, но для меня бирюза, прежде всего, медикамент. С моей стенокардией, сахарным диабетом, печенью и геморроем надо сидеть с утра до вечера в бирюзе и не делать лишних движений. Я так и поступаю.

Марина. А какой камень помогает от кашля? Ты же знаешь, меня замучил кашель, то ли нервический, то ли процесс начинается. Прокашляться не могу.

Зинаида Даниловна (*больше раздражаясь*). Агат, опал. Ещё можно курить фиммиам, то есть жечь янтарь.

Марина (*вставая*). Да, фиммиам бы мне не помешал. Я уверена, что это – лучшее средство от моего кашля.

Складывает зонтик, уходит.

Сцена третья

Явление 1

Марина.

Марина возвращается к себе. Вечер, в доме глущая темнота. Марина пробирается почти на ощупь.

Марина (*сама с собой*). Кофе купила вчера отвратный, от него и депрессия.

Слышит странный звук. В тревоге прислушивается.

Марина. Аркаша?!.. Что у него с голосом...

Явление 2

Марина и Женщина в очках.

Марина подбирается к тумбочке, зажигает свет. На её кровати сидит крупная женщина в очках. Марина от неожиданности вздыхает и замирает.

Марина. Что вам угодно?

Женщина в очках. Я принесла Аркадию Андреечу материалы для иллюстраций.

Марина. Да, но он в отъезде.

Женщина в очках. Я его подожду.

Марина. Сколько... неделю, две?

Женщина продолжительно смотрит в упор сквозь очки на Марину.

Женщина в очках. Я знаю, что он приедет сегодня.

Марина. Удивительная осведомлённость. Я не в курсе, когда он приедет, а вы в курсе. Но, видите ли, в чём дело, не знаю, как Аркадий Андрееч, но я с вами незнакома, вижу вас впервые в жизни. И соответственно – если вы сию минуту не уйдёте, я вызову милицию.

Женщина не уходит. Так же сидит, расставив мощные ноги, глядит на Марину в упор через очки. Марина переходит в другую часть сцены посредством двухмаршевой лестницы: поднимается и сразу спускается. Женщина встаёт и следует через лестницу за ней. Марина садится за стол, Женщина садится перед ней.

Марина. Вы, наверное, одна из тех женщин, с которыми мой муж переспал? Что ж, он больной человек, у него сатириазис. Это мой крест. В юности у меня были друзья, которые стремились к небытию. Они стремились к небытию, но находили смерть. А это не одно и то же, учтите, смерть и небытие! А вот Аркаша во всём преуспел. Он сорвал лавры и одновременно достиг того самого небытия, к которому так наивно и доверчиво стремились те, другие художники, и которого они не обрели. И теперь он живёт в небытии. А я живу здесь вместе с ним. Понимаете? Неужели у вас нет жизни, воспоминаний, вещей, фотографий, которыми вы дорожите? Неужели вы готовы к небытию? Бегите отсюда, дело вам говорю, бегите. Я это всем любовницам своего мужа советую.

Женщина в очках (*примирительно*). Марина, мне надо с вами поговорить.

Марина. О чём?

Женщина в очках. Об Аркадии Андреевиче. Вы же понимаете, он не просто мужчина. Он типр...

Марина (*кричит тонко и пронзительно*). Пошла отсюда вон, мартышка!

Женщина встаёт и направляется к выходу. Марина зачем-то спешит за ней. Перед самым выходом женщина вдруг разворачивается. Она выше Марины на полголовы. Женщина берёт Марину за распущенные волосы, упирает её голову в свой живот, тащит за занавес. Раздаётся звук разбитого стекла. Хлопок двери и скрежет ключа снаружи.

Марина нетвёрдо возвращается, держась за голову. Хватает свой сложенный зонт-трость, кидает его через разбитое окно, как копье.

Марина. Фока, взять её!.. *(говорит с собакой через окно).* Да не зонт! Зонт оставь в покое. Ну что же ты такой трус и идиот? Она же твоей хозяйке шею свернула, её головой окно выбила. А ты забился в конуру, одна лапа наружу робко торчит. Теперь зонт обслюнявил. Заперла меня, бонится погони! И ведь сам скорбишь от своей бестолковости, всегда не знаешь, куда глаза спрятать. Но ничего поделать со своим идиотизмом не можешь, вонючка! И с трусостью. Мизерную собачонку увидишь, конечно, сразу с безмозглым лаем понесёшься за ней, а если она не робкого десятка окажется, сразу спасуешь. Болван, плакса, заплаканные глаза! Ты просто на стороне этого подонка, с которым ты на одно лицо. Те же близко поставленные глазки, носяра, седые усы на подбородке. Конечно, он балдеет от твоей вони, берёт тебя, верзилу, к себе на кровать. В том и есть тайна Аркаши, что он такой же, как и ты.

Явление 3

Марина и Аркадий.

Скрежет ключа. Входит Аркадий.

Марина. Приходила твоя любовница, избила меня.

Аркадий ничего не отвечает, тяжёлой с дороги поступью проходит по осколкам разбитого стекла в дом.

Явление 4

Марина, Платков, Митя Протазанов, Саша Узлов.

Темнота сгущается. В ней вспыхивает огонёк. Марина зажигает синюю лампаду, горящую вначале. Опять возникает сторожка. Тут сидят Платков, только опять юный, с чёрными кудрями, Митя Протазанов, Шура Узлов на полу по-турецки. Марина зачарованно подсаживается к ним. У всех безмятежные лица. Сосновый дождь.

Занавес.